ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ISSN 0131-0097

№ 19 (4450) май 1996

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ МАРАФОН:
Брынцание убожек
Стр. 14

Червяк – землепашец
Стр.58

Булат ОКУДЖАВА:

Нас осталось мало – мы да наша боль

Дудаев два месяца ездил на заминированной «Ниве»
Стр. 38

Диалог

«Живы мы покуда, фронтовая голь...»

Разговор о творчестве Булата Окуджавы накануне 9 Мая ведут редактор отдела публикаций Дмитрий Стахов и редактор отдела культуры Борис Минаев

Б. М. Скажи, Дима, вот ты побывал в гостях у Булата Шалвовича. Как он выглядит, мы видим на обложке. Выглядит неплохо, ничуть не постарел. Долгих ему лет и здоровья. А какие вообще у тебя ощущения от этого визита?

Д. С. Чучело ворона на черепе стоит на книжном шкафу, стол, маленькая пишущая машинка. Ласковый черный пудель. Хозяин смотрит на тебя с легким прищуром и, несмотря на запреты врачей, покуривает крепкие «Житан»... А говорить об ощущениях...

Если честно, то прийти в гости к такому человеку — событие из ряда вон. Тут как-то сразу мне вспоминаются слова одного его близкого знакомого, который однажды мне сказал буквально следующее: «Я знаю Булата больше тридцати лет, а каждый раз, пожимая ему руку, думаю, что пожимаю руку Лермонтову!»

Б. М. «В будни нашего отряда, в нашу окопную семью, девочка по имени Отрада принесла улыбку свою...» Меня всегда поражало в его песнях сочетание несочетаемого. Какой-то фирменный окуджавский коктейль, который ни с чем не перепутаешь. Например, война и женщины. Ни у кого больше этого нет. Даже кумиры его поколения Хемингуэй с Ремарком по густоте ощущения — война и женщины, и все это связано единой нитью судьбы — с ним сравниться не могут. Или, например, странное сочетание гордого, почти надменного индивидуализма — и солдатского «мы», которое есть во всех его песнях. «Когда свинцовые дожди лупили так по нашим спинам... И женщины глядят из-под руки. В затылки наши бритые глядят...» И так далее. Что ему дороже — «я» или «мы»?..

Д. С. Окуджава (это мое впечатление) частный человек. Частный человек в густом киселе кланово-сословной-пристрастной жизни. Нашей обыкновенной. Советской. Таких, как он, вообще очень мало. Частных же людей в искусстве, пожалуй, и вовсе единицы. Большинство или утратило свою частность, или частность утратила их. Что ж! Во всяком случае, остается надеяться, что «бывшие частные» когда-нибудь вспомнят слова одного из героев прозы Окуджавы: «Жизнь слишком коротка, чтобы можно было с легким сердцем презирать утраты».

Б. М. Кстати, о прозе. Как известно, роман Булата Окуджавы «Упраздненный театр» получил Букеровскую премию за лучшую русскую прозу 1994 года. Многие восприняли эту награду с протестом: мол, окуджавинская проза «на любителя», она для нашего читателя недостаточно густа и закручена. Общественное мнение как бы не позволило Булату-прозаику сойти со своей книжной полки, где он стоит в нашем восприятии на странном месте между «Тремя мушкетерами» и О'Генри, быть может. Для меня же странным показалось вот что — престижная литературная награда ничего не добавила писателю (кроме денежного приза, разумеется). Награжденный и Госпремией, и десятками ругательных статей, и невероятной славой, и золотыми дисками, и специальным призом фестиваля итальянской песни в Сан-Ремо, и переводами стихотворными, и изданием пластинок в Европе — Польше, Франции, — он оказался как-то выше этой премии, будто бы просто ее не заметил.

Д. С. Его проза стала (теперь кажется: иного и быть не могло) прозой высшей пробы. Сейчас просто поражаешься, как его «Путешествие дилетантов» или «Свидание с Бонапартом» проскочили сквозь цензурное сито. Там нет фиги в кармане. Просто окуджавинский грустный взгляд, фантазия и поразительная точность деталей, некий современный реализм, создающий сразу множество пластов в жизни героев (и читателя тоже), были, как теперь видно, абсолютно чужды и вредны советской литературе. Не уверен, но, по-моему, Окуджава-прозаик не выстраивал специально жестких параллелей из исторического времени своих романов в наше время. Это произошло как бы помимо его воли, само собой. «Все эти господа тоже уверены, что топтать чужие огороды — патриотическое занятие». Эта фраза из «Свидания с Бонапартом» оказалась пророческой.

Б. М. Вернусь к тому, с чего я начал. Война и женщины. Конечность этих символов в душе человека. Вечная война с самим собой, и женщина, умирающая от ран, от пуль и снарядов, — в этой невидимой войне времени. Очень странно. Так вот, в прозе Окуджава не просто воссоздал, как Тынянов, язык выбранной им для литературного суще-

Булата ОКУДЖАВУ поздравляем с днем рождения. И всех фронтовиков — с праздником!

Фото Ю. Феклистова

ствования пушкинской эпохи. «В путь героев снаряжал, наводил о прошлом справки, и поручиком в отставке сам себя воображал»,– он буквально переселился туда живьем, реинкарнировал, как йог, из одного исторического места в другое. Стал гусаром, с истинно гусарскими ощущениями, с истинно гусарским талантом. Не тем гусаром из анекдота, а настоящим, Мятлевым, для кого война и женщины – две великих стихии, перед которыми даже история – ничто. Мистическая связь Булата Шалвовича с девятнадцатым веком забирает не меньше, чем его тонкий юмор и ностальгия по отношению к себе как герою в автобиографических рассказах. Когда я прочел «Глоток свободы» – стало понятнее, откуда это странное ощущение от песен (оно было у меня с детства): это не современность, так могли бы петь люди в прошлом.

Сегодня воскрешение в моде. Воскрешение прошлого в одежде, в песнях, в стиле. Окуджава оказался очень стильным автором. Он – снова в моде. Или нет?

Д. С. С давних пор Окуджаву пытались представить, сделать символом. Символом целого поколения. Не поколения даже – времени, включившего в себя несколько довольно несхожих между собой поколений. Его песни попали в цвет. Вроде бы незамысловатые, они пелись и физиками-лириками 60-х, и отечественными битниками, и даже хиппи, и молодыми и «олдовыми», старыми. Каждый находил в них свое. И дело тут, наверное, не в романтизме, которым была окрашена эпоха духовной революции. Если он и романтик, то романтик как минимум строгий. Если не сказать – жесткий. Вместе с Высоцким и Галичем полностью перекраивая пространство «авторской песни», Окуджава даже в самой чистой лирике дает услышать, пусть приглушенные, шаги судьбы.

Б. М. А вот я с тобой не соглашусь. Да, шаги судьбы. Да, мрачноватая лирика. Но он не строгий и не жесткий. В его стихах меня всегда брала в плен как раз особая мягкость, прозрачность, воздушность, ускользающая палитра слов («Мостовая пусть качнется, как очнется...»). Он не боялся слыть розовым, добрым, сентиментальным. Не боялся чувств. За эту смелость поплатился – Окуджаву прокляло поколение металлистов и рок-н-ролла, оно противопоставило его песням свою конструктивную, угловатую, острую позицию... Но Окуджава выстоял. От соприкосновения с миром современного русского рок-н-ролла он не стал меньше. Напротив, он стал больше. Его мягкие, прозрачные контуры стали уходить в небо. Его экзальтированная медитация на сорок лет предвосхищает и обнимает и Гребенщикова, и Шевчука, и Башлачева, и Цоя (с которым у него есть просто поразительные совпадения: «Если есть в кармане пачка сигарет, значит, все не так уж плохо на сегодняшний день» – Цой; «Со мной моя гитара и пачка сигарет» – Окуджава. Это не просто сближение, это интонация, похожая до боли). Зато теперь стало понятно, что именно эти ребята – его компания. У него они учились, его попытались перерасти. Авторы самодеятельной песни в 60–80-е годы, о которых Булат Шалвович всегда отзывался коротко и сухо, действительно немножко из другой команды.

Д. С. У Окуджавы даже в самых окуджавно-героических строках и песнях остается что-то недосказанное, недопетое. Он не ставит точку. Все у него заканчивается многоточием. Которое подчас красноречивее восклицательного знака. Его строка, его песня развернуты в будущее или в прошлое. Сам же он с улыбкой грустного оптимиста оглядывается по сторонам, не найдя в настоящем ничего достойного, и все равно берет в руки гитару. Грустные оптимисты не всегда пользуются симпатиями современников, в массе своей любящих барабанную дробь, часто вызывают зубовный скрежет у властей предержащих, но у них есть одна особенность. Некая видовая характеристика. Они творят и работают всегда. Вне зависимости от вкусов и мнений. И не держат нос по ветру. В наши живоглотские времена насморк – болезнь почти что фатальная. Но они избегают его не из-за инстинкта самосохранения, а по свойственной грустным оптимистам щепетильности. Возможно даже – брезгливости.

Б. М. Так он продолжает работать? Скажи, он пишет что-нибудь?

Д. С. Булат Шалвович пишет то, что называется малой прозой. Небольшие автобиографические рассказы. Собирается приступить к исполнению больших замыслов, но, как выразился сам, пока не решается. Есть новые песни.